

Александр Донцов, Илья Зеленев

ЧЕЛОВЕК ПУБЛИЧНЫЙ: ОЦЕНИВАЮЩИЙ И ОЦЕНИВАЕМЫЙ

Аннотация. Публичность, явное или виртуальное соприсутствие других в жизнедеятельности человека, рассматривается как отличительная черта социального поведения, приобретающего оценочный характер. Представлены результаты репрезентативного опроса, проведенного по нашей методике фондом «Общественное мнение». Проанализированы основания, по которым современные россияне категоризируют окружающих – как «своих», «чуждых» и «иных». Выявлены различия данных конструкторов по степени их оценочности, рефлексивности и структурированности.

Ключевые слова: *homo sapiens, homo faber, homo habilis, homo creator, homo symbolicus, homo liber, homo ludens, оценивание, негативная/позитивная валентность, «свои», «чуждые», «иные», личностные черты, качества, соотношение с «Я», рефлексивность, структурированность, категоризация.*

Annotation. *Publicity, explicit or virtual co-presence of others in human activity is regarded as a distinguishing feature of social behavior, acquiring evaluation character. The article deals with the results of a representative survey conducted by the Public Opinion Foundation on the authors' methodology. The authors also analyze the grounds on which the modern Russians categorize others as the ours, the aliens and the others and differences of those constructs according to the degree of their evaluativity, reflectivity and structuredness.*

Keywords: *homo sapiens, homo faber, homo habilis, homo creator, homo symbolicus, homo liber, homo ludens, evaluation, negative/positive valence, the ours, the alien, the others, personality traits, qualities, correlation with the I, reflectivity, structuredness, categorizing.*

Человек по сей день остается одной из величайших загадок всех времен и народов. Об этом свидетельствуют и насчитывающая несколько тысячелетий история повсеместных, но тщетных попыток понять его происхождение и предназначение, и отсутствие однозначного ответа на вопрос «кто он»? Определение, учат философы, – это логическая процедура придания строго фиксированного смысла терминам языка.

I

Человек – величайшая загадка для самого себя и для всего человечества

Слово «человек» – одно из наиболее употребимых и в русском, и в любом ином языке. Какими же отличительными свойствами должно обладать некое существо, чтобы его по праву причислили к группе людей?

Вспомнив наиболее популярные дефиниции, первым среди подобных свойств следовало бы, по-видимому, назвать *разумность*.

Homo sapiens

Homo sapiens – всякий чуточку образованный человек хотя бы раз не без удовольствия слышал и не без гордости провозглашал этот очевидный комплимент мыслительным способностям себе подобных. Сомневаемся, что великий шведский натуралист К. Линней, который ввел в научный оборот этот термин для обозначения неандертальцев, кроманьонцев и современных людей, рассчитывал, насколько лестным окажется это словосочетание для современников и благодарных потомков.

Homo faber

Не менее известное атрибутивное определение человека – *homo faber* – ремесленник, созидатель, то есть существо производящее. Самое время принести хвалу Создателю за вместительный череп, прямохождение и хорошо развитый, полностью противопоставленный остальным, большой палец руки. Ведь благодаря этому человек научился точно манипулировать предметами, создавать и использовать орудия, другими словами, – выживать, невзирая на очевидную биологическую неприспособленность.

Homo habilis, homo creator, homo symbolicus

Неслучайно один из исчезнувших видов ранних гоминид, овладевших навыками обработки камней около двух миллионов лет назад, антропологи именуют *homo habilis* – человек умелый. Некоторые авторы, восхищенные созидательными возможностями человека, поспешили провозгласить его творцом – *homo creator*, что, разумеется, было благосклонно воспринято читающей публикой (оставим философам обсуждение вопроса о критериях, пределах и последствиях человеческого творчества). Поскольку одним из главных результатов творческой активности людей являются символы – прежде всего слова – Э. Кассирер предложил назвать человека существом символическим – *homo symbolicus*.

Homo liber, homo ludens

Еще одним отличительным свойством человека, заслуживающим упоминания в этом ряду, является его общественный характер. Политическим животным именовал человека Аристотель, экономическим его окрестили на заре европейского Нового времени, а уж вызубренную в студенческие годы формулу человека как «совокупности всех общественных отношений» представители старшего поколения вспомнят и разбуженные ночью. Ориентируясь на реестры отличительных свойств человека, составленные серьезными философами, к названным характеристикам добавим лишь две: отмеченную Б. Спинозой способность,

Действительно ли каждый человек несет в себе весь этот потенциал качеств?

познав необходимость, обрести свободу (*homo liber*), и раскрытый И. Хейзингой дар игрового отношения к действительности (*homo ludens*).

Подводя итоги этого блицобзора трактовок человека, испытываешь два взаимоисключающих чувства: глубокого удовлетворения от принадлежности к виду, обладающему столь значительными достоинствами (разум, свобода, созидание, творчество...), и глубокого сомнения, действительно ли любой конкретный представитель данного вида в полной мере владеет всем этим богатством? Разумеется, слегка поднатужившись, каждый назовет несколько разумных, деятельных, творчески одаренных, социально адаптированных и по-своему свободных современников, хотя эти дары чаще встречаются не оптом, а в розницу. Увы, но люди, лишённые подобных способностей, всплывают в памяти без запинки. Складывается впечатление, что перечисленные отличительные свойства человека не столько задают границу между ним и иными живыми существами, сколько выделяют «отличников» рода человеческого. Получается нечто схожее с застывшими физиономиями передовиков производства на доске почёта советского времени.

И. Т. Фролов и В. Г. Борзенков – авторы статьи «Человек» в относительно недавно изданной четырехтомной «Новой философской энциклопедии», посетовав на отсутствие развитой и общепринятой концепции человека, отмечают, что «вся история философской мысли и есть в значительной мере поиск такого определения природы человека и смысла его существования в мире, которое, с одной стороны, полностью согласовывалось бы с эмпирическими данными о свойствах человека, а с другой – высвечивало бы в будущем перспективы его развития» [1]. Итак, если верить авторам, – а у нас нет никаких оснований сомневаться в распространённости этого заключения, – стратегия философских поисков подлинного человеческого естества состоит в попытке совместить его нынешнюю жизненную реальность с тем обликом, который оно сможет и должно приобрести в неблизком благоприятном будущем.

Реализуя названную стратегию, философы и фило-софствующие представители конкретных человековедческих дисциплин сосредоточили усилия главным образом на проектировании идеального Человека, царство которого наступит в светлом завтра. Почему конструирование эталона стало центральным предметом раздумий о судьбе человека? Причин много. Во-первых, мечты о прекрасном будущем, как и прошлом, – лучшее лекарство от

Философы и человековеды сосредоточили усилия на проектировании идеального Человека

тягот настоящего. Во-вторых, нет мыслителя, который втайне не мечтал бы прослыть пророком. В-третьих, кроме славы пророка проектирование человека позволяет надеяться на статус и гонорары творца: идеал ведь не просто манит, но и продается заказчику в упаковке всяческих «развивающих» тренингов, консультирования и т. п. Итог? Конструкт человека, напоминающий монументального слащавого Франкенштейна, небрежно спитого из плохо подогнанных достоинств и озабоченного идеей непрестанного самосовершенствования.

Человек не готов отождествлять себя со своей тварностью...

Не будем чрезмерно иронизировать. У А. А. Гусейнова, отвечающего на вопрос «что же мы такое?», нашлись весомые аргументы для вывода, что «единственное, что выделяет человека в природном, физическом мире и отличает его от других вещей – это его нежелание примириться со своим положением. Он не отождествляет себя со своим эмпирическим бытием, телесностью, пассивно-страдательным статусом в мире, со своей тварностью. Человек – существо, и, видимо, единственное существо, которое взбунтовалось против своего существования» [2]. А. А. Гусейнов называет человека «животным, устыдившимся своей животности», настаивая, что «внутреннее недовольство, отрицательное отношение человека к своему наличному бытию – не одно из психологических свойств человека, а самая основа его психологии» [3]. Сказано возвышенно, и не хочется спорить, тем более что и нам близка мысль Ф. Ницше о противоречивом единстве тварного и духовного начал в человеке: «в человеке тварь и творец соединены воедино: в человеке есть материал, обломок, глина, грязь, бессмыслица, хаос, но в человеке есть также и творец, ваятель, твердость молота, божественный зритель и седьмой день – понимаете ли это противоречие?» [4].

В человеке есть нечто, что не поддается объективированию

Понимаем, если речь идет о метафизическом существе, являющемся предметом философии. Но психология, как и любая другая конкретная наука о человеке, имеет дело не с сущностью, а с существованием человека. А в нем, в этом наличном бытии, идея совершенства может приобрести и подчас приобретает черты невротического перфекционизма [5]. Споры нет, «в человеке есть что-то такое (и это-то как раз составляет его загадку), что не поддается объективированию и перед чем бессильно научное знание» [6]. Значит ли это, что удел психологов – почтительно любоваться нераскрываемой метафизической тайной человека? Хотелось бы, но – увы – профессия не позволяет: за помощью в экстремальной ситуации к философам обращаются редко. А

Операционализация
проблемы
психологической
свободы личности
как взаимодействие
феноменов
идентификации и
обособления

Общество
предшествует
человеку

Публичность –
атрибут
социальности

чтобы ее оказать, необходимо владеть пусть и односторонним, упрощенным, но конкретным знанием. Иными словами, на смену романтическому восхищению возможным величием в психологических трактовках человека должен возобладать критический реализм.

Именно так, на наш взгляд, поступила В. С. Мухина, операционализовав захватывающую дух проблему психологической свободы личности как взаимодействие процессов и феноменов идентификации и обособления [7].

Альтернативный взгляд необходим и на такое аксиоматичное свойство человека, как его «социальность». Что конкретно обозначает бесконечно цитируемый тезис Аристотеля о человеке как «общественном животном», провозглашенный почти две с половиной тысячи лет назад? Напомним, в трактате «Политика» философ постулировал, что общество предшествует человеку и находится вне его способно либо самодостаточное божество, сверхчеловек, либо недочеловек, зверь. Э. Арносон, озаглавивший свое известное введение в социальную психологию как «Общественное животное» [8], главным признаком «общественности» считает обусловленные взаимозависимостью людей многообразные формы социального влияния. Легко заметить, что определяющий признак здесь идентичен определяемому, то есть дефиниция построена по принципу тавтологии.

Можно ли избежать здесь логической ошибки *idem per idem*? Можно, если вспомнить о таком атрибуте социальности, как публичность. Согласно В. И. Далю, публичный – значит оглашенный, явный, известный, открытый, наблюдаемый. Примерно те же признаки публичности называются и в последнем, 2007 г., издании «Толкового словаря русского языка» Н. Ю. Шведовой: «осуществляемый в присутствии публики, открытый». И что же означает «публичность» в психологической интерпретации социального бытия человека? Вопрос непростой и еще ждущий ответа, хотя подступы к нему налицо [9]. В первом приближении публичность предполагает соприсутствие в жизненном пространстве человека многочисленных «других», его почти постоянную предъявленность их взглядам, мнениям и оценкам, прямым, косвенным, всяческим. «Другие», в большинстве посторонние, также становятся объектом оценки, и взаимопересечение этих оценок, как ни патетически это звучит, становится фактором человеческой судьбы.

Впрочем, нет нужды доказывать, что в XX веке инаковость другого была одной из центральных тем социаль-

ной философии, культурологии, а поиск границ между «Мы» и «Они» стал одной из приоритетных областей социальной психологии [10]. Несомненно, права Д. Жодле, утверждающая, что «вопрос об инаковости вписан в интеллектуальное пространство, простирающееся от философии, этики и юриспруденции до наук о человеке и обществе» [11]. Теоретические аспекты оценочных взаимоотношений с многообразными «другими» настолько детально обсуждены в современной социально-психологической литературе (см. например, [12], [13], [14], [15]), что если и нуждаются в дополнении, то лишь на основе новых эмпирических данных. А их-то как раз дефицит.

Дихотомия «свои – другие»

Как сегодня наши соотечественники оценивают окружающих? В какой мере дихотомия «свои – другие» является осью этой оценки? Монолитна ли категория «других»? Или в ней вычленяется подкатегория «чуждых», пугающих и отталкивающих, и просто «иных», не таких и потому интересных? О такой возможности свидетельствует, например, трехступенчатая модель развития отношений с другими, предложенная Б. Шефером и др. [16]. Согласно этой модели, пока другой является неизвестным – первая ступень – типичной формой реакции на него является безразличие. На второй ступени, когда свойства «другого» в целом известны, однако не испытаны и не пережиты, отношение к нему амбивалентно. И лишь на третьей ступени, после соотнесения образа «другого» с собственными ценностями и стандартами идентичности воспринимающего, «другой» оценивается как «свой» (позитивная валентность) или «не-свой», «чужой» (негативная валентность).

Частичный и косвенный ответ на поставленные вопросы можно найти лишь в работах С. Г. Климовой [17] и Ю. Э. Ширкова [18].

II

Эмпирическое исследование авторов

Нам показалось важным получить развернутый и прямой ответ. С этой целью нами было инициировано специальное исследование, реализованное фондом «Общественное мнение», за что мы признательны руководству и сотрудникам фонда, лично кандидату философских наук Светлане Гавриловне Климовой.

Объект исследования – взрослое население России (18 лет и старше). Эмпирический объект – 1535 респондентов из 100 населенных пунктов 46 областей, краев и республик РФ (репрезентативная выборка)*.

* Предварительно интервьюерами фонда проводился пилотажный опрос респондентов в г. Москве (январь, 2008), с записью

Принципы
построения опроса

Цель исследования – выявить особенности категоризации окружающих как «своих», «чуждых» и «иных».

Опрос проводился фондом «Общественное мнение», 29–30 марта 2008 г. Респонденты интервьюировались по месту жительства методом “face-to-face”^{*}.

Перед тем, как задавать вопросы анкеты о «своих», «чуждых» и «иных», интервьюер зачитывал респонденту небольшую преамбулу:

Жизнь сводит нас с разными людьми. С одними мы легко находим взаимопонимание, общий язык, воспринимаем их как «своих». А есть люди, от которых исходит опасность, угроза, они вызывают у нас страх или неприязнь. Третьи не вызывают особых эмоций – ни симпатий, ни неприязни. Но мы чувствуем, что они не такие, как мы, – непонятные, «сделанные из другого теста».

В данной статье представлены результаты ответов на следующие вопросы^{**} анкеты:

1. *С кем Вы легко находите взаимопонимание, общий язык, каких людей Вы воспринимаете как «своих»? Кто эти люди?*

2. *Кто, какие люди вызывают у Вас страх или неприязнь, в ком Вы видите опасность, угрозу для себя? Кто эти люди?*

3. *Какие люди не вызывают у Вас ни симпатии, ни неприязни, но при этом Вы чувствуете, что они не такие, как Вы, непонятные, «сделанные из другого теста». Кто эти люди?**

Обработка данных проводилась с помощью программного пакета SPSS for Windows.

Результаты и
обсуждение

На первом этапе ответы респондентов на открытые вопросы разбивались на элементарные категории и кодифицировались. Например, в категорию «своих» – «Родные, семья» – попадают ответы: «Супруга, родня», «Своя семья, мама, дети», «Мой муж, родственники – мои и его» и т. п.; а в категорию «чуждых» – «Алкоголики, пья-

---

интервью на диктофон. По результатам пилотажного этапа, совместно с сотрудниками ФОМ, дорабатывались формулировки вопросов анкеты.

* Вопросы 1–3 (для удобства в статье нумерация вопросов изменена по сравнению с анкетой, но порядок следования всех вопросов соответствует анкете) – открытые, интервьюер просил респондента назвать до трех ответов на каждый из данных вопросов. При создании анкеты, вопросы специально были так сформулированы, чтобы они давали возможность отвечающим называть группы и людей, описывать их качества и т. п.

** Кодификация осуществлялась под руководством С. Г. Климовой сотрудниками ФОМ по ранее разработанной методике (см. [20]).

«Свои»	<p>ницы, наркоманы»: «<i>Пьяные всякие</i>», «<i>Алкоголики, наркоманы</i>», «<i>Пьяницы</i>» и т. п. После кодировки получено (с учетом категорий «Другое» и «Затрудняюсь ответить, нет ответа»): 45 элементарных категорий ответов о «своих», 53 элементарных категории ответов о «чуждых» и 59 элементарных категорий ответов об «иных».</p> <p>Как оказалось, чаще всего россияне называют «<i>своими</i>»: родных, семью (29% респондентов). Это не стало новостью. То, что семья – самая значимая для нас «Мы-группа», с членами которой мы обычно схожи, близки по какому-либо параметру, отмечалось другими исследователями. В этом контексте семья может быть названа «максимальной Мы-группой» для индивида [19].</p> <p>После родных и семьи следуют: друзья, товарищи (23,4%); сослуживцы (14,1%). Затруднившихся сказать, кто же для них «свои» – 9,8%. А 18 (из 45) категорий ответов, с показателем менее 1%, замыкают перечень. Среди них подавляющее большинство – описание качеств: спокойные, уравновешенные (0,9%); деловые, предприимчивые, активные (0,8%); сильные, независимые, целеустремленные (0,5%) и т. д.</p>
«Чуждые»	<p>Среди 53 категорий ответов о том, кто же воспринимается как «<i>чуждый</i>», лидирует – «Затрудняюсь ответить, нет ответа» (26%). За ней следуют: «Алкоголики, пьяницы, наркоманы» (19%) и «Таких нет» (9,8%); «Воры, бандиты» (5,9%); «Преступники, уголовники, бывшие заключенные» (5,2%); «Агрессивные, злые» (5,1%). С показателем – менее 1% 18 категорий.</p>
«Иные»	<p>Среди 59 категорий ответов об «<i>иных</i>» около половины респондентов (48,5%) не смогли дать ответа; 4,9% ответили – «Таких нет»; а явно лидирующей категории ответов здесь нет. Показатель менее 1% имеется у 33 категорий, а у большинства остальных – не намного больше.</p>
Виды или метакатегории	<p>Имеющиеся категории ответов на обсуждаемые вопросы можно разделить на несколько видов, или метакатегорий. Часть ответов связана с определением «своих» или «иных» через <i>соотнесение с «Я»</i> респондента. Как, например, категории ответов: «Люди, близкие мне по взглядам, по духу, единомышленники»; «Люди не моего круга общения, с другими интересами, представлениями о жизни» и т. д. В других ответах описываются <i>личностные черты, качества</i> «своих», «чуждых» и «иных» (критерием при отнесении ответов к описаниям личностных черт было присутствие соответствующей черты в тезаурусе личностных черт (см. Атлас личностных черт [21]). Это такие категории ответов, как: «Умные, образованные, грамотные»; «Алч-</p>

ные, жадные, корыстные»; «Беспринципные, хитрые, лицемеры, сплетники» и т. д. Есть ответы, в которых называются *группы людей*, которые воспринимаются респондентом, как «свои», «чуждые» и «иные» («Земляки, односельчане»; «Сотрудники правоохранительных органов»; «Люди других национальностей» и т. д.).

Анализируя данные по метакатегориям, видно, что называя «своих», более 3/4 всех респондентов (78%) оперировали названиями групп (причем данный процент охватывается всего 6 категориями ответов: «Родные, семья»; «Друзья, товарищи»; «Сослуживцы»; «Соседи»; «Одноклассники, однокурсники»; «Земляки, односельчане»), тогда как, называя «чуждых» и «иных», подобным образом поступали лишь 20,7% и 19,1% соответственно!

Соотнесение с «Я»

Использование *соотнесения с «Я»* при описании «своих» связано с возрастом. (Из числа обратившихся при ответе о «своих», к сравнению с собственным «Я»: 39,7% – старше 54 лет; возраст 33,3% респондентов – в интервале 36 лет – 54 года; а 27% – в интервале 18–35 лет.)

При этом, называя «чуждых», подавляющее большинство опрошенных (70,6%) описывали качества, личностные черты, а соотнесение с «Я» не использовали совсем. Можно сказать, что соотнесение с «Я» характерно именно для описания «своих» (исключение составляют 2% респондентов, использовавших этот конструкт при определении «иных»). В определенном смысле описания «чуждых» преимущественно посредством качеств и личностных черт является одновременно ответом на вопрос: *почему* они – «чуждые». Это означает большую осознанность, рефлексивную обоснованность данного конструкта. Вообще, одна из содержательных характеристик межгруппового восприятия – большая оценочность, чем при восприятии межличностном [22]. Примечательно, что из числа перечислявших черты и качества «чуждых»: 61,2% – женщины.

Обращает на себя внимание тот факт, что из 57 категорий содержательных ответов об «иных» (то есть исключая варианты «Затрудняюсь ответить, нет ответа» и «Таких нет») – около половины аналогичны категориям ответов о «чуждых»*. Данную половину категорий использовали для описания «иных» – 30,1% респондентов**.

* С другой стороны, из 51 категории содержательных ответов о «чуждых» – 60% имеют «пару» среди категорий ответов об «иных».

** А это, можно сказать, – «подавляющее большинство», если исключить 48,5% опрошенных, вообще не ответивших, кто

Если же за 100% взять количество «пересекающихся», общих для «чуждых» и «иных» категорий ответов, то на 30% – это названия групп, на 55% – личностные черты, качества (следовательно, уже *несут в себе оценочность*), а на 15% – остальные категории ответов.

С помощью личностных черт, качеств, используемых остальными респондентами для характеристики «чуждых», описали «иных» – 16,7% опрошенных. Зависимости с возрастом или с полом здесь не выявлено. Однако данные респонденты чуть реже, чем в среднем по выборке, давали о «чуждых» ответ – «Таких нет» (7,4%) и более, чем в два раза реже затруднялись с ответом (12,5%)*. Возможно, что у этих 16,7% россиян – «иные», в терминах «ступенчатой модели восприятия» [23] – это «известное», но «неиспытанное». Вероятно, такие «иные» при дальнейшем более тесном взаимодействии вызовут негативную валентность – станут «чуждыми». (Если о «Бомжах, бродягах», «Слабохарактерных, незаметных», «Замкнутых, скрытных, малообщительных людях» нельзя сказать этого с абсолютной определенностью, то уж «Алкоголики, пьяницы, наркоманы», «Агрессивные, злые», «Алчные, жадные, рвачи», «Воры, бандиты, преступники», «Бездельники, тунеядцы, лентяи», «Высокомерные, гордецы, с высокой самооценкой», «Нечестные», «Хамы, грубияны», «Завистливые», «Беспринципные, хитрые, лицемеры, сплетники», «Эгоисты, думающие только о себе», «Бестолковые, глупые люди» точно не вызовут «позитивную валентность»...)

«Другой человек по сути своей опасен»

Именно в понимании вышеописанной части выборки (то есть 16,7%) на обыденном уровне «...другой Человек по сути своей опасен, и это его свойство, ярче всего проявляющееся, когда речь идет об абсолютно незнакомой личности, постепенно ослабевающая, сохраняется <...> строго говоря, никогда не исчезает полностью» [24].

То, что около половины респондентов не смогли сказать, кто же для них является просто не таким, как они (то есть – «иным» в нашей терминологии), может свидетельствовать о меньшей ясности этого конструкта в массовом сознании по сравнению с конструктами «чуждые» (их не смогли назвать 26% опрошенных) и «свои» (затруднились соответственно 9,8%). Вероятно, это объясняется и меньшей представленностью «иных» в повседневной реальности многих россиян (среди городских жителей не

же для них «иные»!

* Указан процент от числа респондентов, использовавших для описания «иных» – личностные черты и качества «чуждых».

смогли ответить на вопрос об «иных» около 40% респондентов, тогда как в селах, в районных центрах и поселках городского типа – около 53%).

Информативны рассчитанные показатели среднего количества содержательных ответов: судя по ним, легче всего ответившим давались определения «своих» (в среднем 1,72 содержательных ответа – на одного респондента), затем – «чуждых» (соответственно – 1,64 содержательных ответа), а сложнее было перечислить «иных» (1,22 содержательных ответа – на одного).

Далее, отдельно для каждого из анализируемых вопросов, проводился факторный* и кластерный анализ переменных**.

Факторный анализ

Факторный анализ ответов на анализируемые вопросы (отдельно для каждого вопроса) являлся вспомогательной процедурой перед проведением кластерного анализа бинарных переменных для этих же вопросов анкеты***. В результате факторизации выяснилось, что категории ответов о «своих» (как и о «чуждых») более структурированы относительно друг друга, по сравнению с категориями «иных». Для последних проведение факторного анализа оказалось непродуктивным****. С помощью процедуры кластерного анализа переменных были кластеризованы: как категории ответов о «своих» и «чуждых», так и об «иных». Однако из-за слабой структурированности в сознании респондентов описаний «иных» довольно много категорий ответов (12 категорий, в сравнении с 5 для «чуждых» и с 3 – для «своих») остались после кластеризации «в одиночестве», а некоторые кластеры трудно интерпретируемы (например, кластер «6», объединивший категории: «Простые, обычные люди, все» и «Высокомерные, гордецы, с высокой самооценкой»).

Примеры некоторых полученных кластеров переменных

Среди респондентов, перечисливших в качестве «своих» людей, тех, кто относится к категориям «Родные, семья», «Друзья, товарищи» оказалось: 24% ответивших – старше 54 лет; возраст 39% респондентов –

* Применялся факторный анализ (м-д главных компонент) с varimax-вращением.

** Проводился кластерный анализ бинарных переменных («1» – ответ респондента принадлежит к данной категории, «0» – не принадлежит), см. [25].

*** Применительно к ответам о «своих» и о «чуждых» оказалось, что группирование переменных-категорий в факторы практически совпадало с объединением тех же переменных в кластеры.

**** Мера выборочной адекватности Кайзера–Мейера–Олкина оказалась равной 0,3. Такой показатель не позволяет принять полученное факторное решение [26].

в интервале 36 лет – 54 года; а 37% – в интервале 18–35 лет. Распределение по возрастным интервалам, как видим, практически не отличается от выборки в целом*. Это связано с тем, что две данные категории ответов – самые популярные (имеют ранг «1» и «2» соответственно) – они слабо дифференцируют опрошенных.

Рассмотрим кластер «3». В него попали категории ответов о «своих»: «Люди, выросшие при советской власти, люди старой закалки, коммунисты»; «Пожилые, люди старшего возраста, пенсионеры»; «Ровесники»; «Люди такого же материального положения, соц. статуса»; «Бедные, небогатые». Среди отвечавших таким образом: 49,1% – старше 54 лет; возраст 29,8% респондентов – в интервале 36 лет – 54 года; а 21,1% – в интервале 18–35 лет. Как видим, категории ответов из кластера «3», описывают «своих» преимущественно для старшей возрастной группы.

В кластер «8» группируются категории ответов: «Доброжелательные люди»; «Общительные, коммуникабельные, разговорчивые»; «Добрые, отзывчивые, внимательные люди»; «Честные, порядочные, справедливые»; «Сильные, независимые, целеустремленные». Из числа давших ответы перечисленных категорий: 27,5% – старше 54 лет; возраст 40,2% респондентов – в интервале 36 лет – 54 года; а 32,3% – в интервале 18–35 лет. Примечательно, что подобные ответы характерны для женщин (65,5%) в большей степени, чем для мужчин (34,5%).

«Чуждые» нам люди?

Переходим к результатам кластеризации категорий ответов о «чуждых». Среди тех, кто сказал, что «чуждые» – это «Коррупционеры, взяточники»; «Чиновники» и «Сотрудники правоохранительных органов»: 21,9% – старше 54 лет; возраст 42,5% респондентов – в интервале 36 лет – 54 года; а 35,6% – в интервале 18–35 лет. Подобные ответы существенно чаще дают мужчины (71,2%)** , чем женщины (28,8%).

Кластер «3» объединяет ответы: «Мошенники, аферисты», «Врачи» и «Высокомерные, заносчивые, самовлюбленные». Из числа давших ответы перечисленных категорий: 37,5% – старше 54 лет; возраст 32,5% респондентов – в интервале 36 лет – 54 года; а 30% –

* Для сравнения – из числа участвовавших в опросе: 27% – старше 54 лет, возраст 39% респондентов – в интервале 36 лет – 54 года, а 34% – в интервале 18–35 лет.

** Указан процент от числа респондентов, давших ответы тех категорий, которые сгруппировались в кластер.

в интервале 18–35 лет. Помимо того, что очевидна тенденция: чем старше возрастная группа, тем чаще «чуждые» – трех вышеозначенных категорий – такие ответы еще и более характерны для женщин (60%), чем для мужчин (40%). Применительно к данному кластеру «чуждых» вспоминается прототип «доктора», описанный Г. М. Андреевой: «...элегантный, добрый, слегка рассеянный» [27]. К сожалению, в массовом сознании сегодня присутствует иная «картинка»: «мошенники, некоторые корыстные работники в медицине», «врач меня напугал, сказал, что и года не проживу, а я 5 лет уже живу», «медики, Собес», «медработники в поликлинике», «от врачей воры». Время вносит свои коррективы... Не следует забывать к тому же, что «...за прототип может быть принят вовсе не прототипичный представитель класса предметов (членов группы). Тогда приписывание качеств нетипичного представителя другим аналогичным объектам вообще приведет к полному искажению информации» [28].

В субкластер «11 а» попали категории: «Алчные, жадные, корыстные»; «Завистливые» и «Агрессивные, злые». Из описавших «чуждых» именно так: 27,4% – старше 54 лет; возраст 47,8% респондентов – в интервале 36 лет – 54 года; а 24,8% – в интервале 18 – 35 лет. Указанные характеристики «чуждых» чаще приводят женщины (65,6%)*, чем мужчины (34,4%).

И, наконец, о результатах кластерного анализа категорий ответов об «иных». Например, в кластер «1» группируются категории ответов: «Алчные, жадные, рвачи»; «Нечестные»; «Молодежь». Из числа давших ответы перечисленных категорий: 54,8% – старше 54 лет; возраст 38,7% респондентов – в интервале 36 лет – 54 года; а 6,5% – в интервале 18 – 35 лет.

Среди тех, кто сказал, что «иные» – это «Алкоголики, пьяницы, наркоманы»; «Бомжи, бродяги»; «Бездельники, тунеядцы, лентяи»; «Мужчины»**: 35% – старше 54 лет, возраст 46,2% респондентов – в интервале 36 лет – 54 года, а 18,8% – в интервале 18 – 35 лет.

При категоризации «своих», «чуждых» и «иных» имеют место не только характерные различия в принци-

* Так же.

** В категорию «Мужчины» попал единственный ответ: «Мужчины – все, особенно выпивохи». Его дала женщина 52 лет. Вторая часть ее высказывания и стала причиной того, что при кластеризации ответов «Мужчины» оказались в такой «неприглядной компании» – в кластере «4», но на отдельной «ветке» – в субкластере «4 б».

Выводы

пе категоризации *внутри* описаний «своих», «чуждых» и «иных», существует еще и явное преобладание **названий групп** в ответах о «своих». Тот результат, что «свои» для россиян – это прежде всего ограниченное число групп людей, может свидетельствовать о преимущественной безоценочности конструкта «свои» как такового. Мы в данном случае не говорим, по каким критериям происходит в течение жизни изначальный отбор в «свои». Просто, *в сознании* подавляющего числа респондентов – «свои» являются «своими» по факту их принадлежности к таковым! Это сродни романтическому ответу «Люблю тебя, потому что люблю...» на вопрос «*Почему?*...». Кроме того, **соотнесение с «Я»** при описании «своих» больше характерно для старшей возрастной группы.

«Чуждые» и «иные»
не соотносятся с «Я»

В то же время говоря о «чуждых», респонденты чаще перечисляют **личностные черты, качества, а соотнесение с «Я»** – не используют совсем. При описании «иных» с меньшим отрывом, но тоже лидирует перечисление **личностных черт, качеств, а соотнесение с «Я»** упомянули только 2% опрошенных.

Представления об «иных» менее структурированы в массовом сознании россиян; практически половина респондентов затруднились сказать, кто же для них является «иными», а 4,9% ответили – «Таких нет» (в обоих случаях налицо сужение спектра инаковости до черно-белого: «свой» – «чуждый»). Легче всего (судя по показателю среднего количества содержательных ответов на одного опрошенного) перечислялись «свои», несколько сложнее – «чуждые», а самым трудным было назвать «иных».

Так как при перечислении **личностных черт, качеств** проявляется оценочность, отношение к описываемому, то можно сказать, что «чуждые» – это более осознанный, рефлексивно обоснованный конструкт – по сравнению с конструктом «свои». Отчасти то же можно сказать и о конструкте «иные».

Примерно половина категорий содержательных ответов об «иных» аналогична категориям ответов о «чуждых». Рассказывая об «иных», ответы таких «пересекающихся» категорий дали почти треть опрошенных (30,1%), то есть большинство *не затруднившихся* ответить. От количества общих для «чуждых» и «иных» категорий ответов – более половины категорий составляют перечисления **личностных черт, качеств**. С их помощью охарактеризовали (а можно сказать – «оценили») «иных» – 16,7% респондентов. У этих людей инаковость «не-своих» (или «остальных») отмечена только негатив-

ным отношением: либо отнесением к «чуждым», либо оно потенциально негативно (что проявляется специфическим описанием «иных»). Похоже, что данная часть россиян находится в состоянии своего рода «временного перемирия» (в том «временном соглашении», которое удерживает от «отношения войны и трофеев» [29]) с «иными». Потому что при тесном взаимодействии с последними, вероятнее, те станут «чуждыми»: эти «иные» – «потенциально чуждые» прибавятся к числу явно и без затруднений опознаваемых «чуждых».

Итак, «публичность» современного россиянина весьма специфична: несколько привычных групп «своих»; множество категорий лично неприемлемых «чуждых»; «иные» почти полностью отсутствуют, или они вызывают не столько любопытство своей непохожестью, сколько отторжение. Редукция категоризации окружающих до дихотомии «свои» – «чуждые» свидетельствует либо о явной неразвитости исходной матрицы типологизации людей, либо о наличии аффективных факторов ее деградации. Проверке этой гипотезы посвящена наша следующая статья.

---

1. *Фролов И. Т., Борзенков В. Г.* Человек // Новая философская энциклопедия: В 4 т. – Т. 4. – М., 2001. – С. 344.

2. *Гусейнов А. А.* Что же мы такое? // Многомерный образ человека: на пути к созданию единой науки о человеке. – М., 2007. – С. 100.

3. *Там же.* – С. 94.

4. *Ницше Ф.* По ту сторону добра и зла // Соч. в 2 т. – Т. 2. – М., 1990. – С. 346.

5. *Иванченко Г. В.* Идея совершенства в психологии и культуре. – М., 2007.

6. *Гусейнов А. А.* Что же мы такое? // Многомерный образ человека: на пути к созданию единой науки о человеке. – М., 2007. – С. 90.

7. *Мухина В. С.* Личность: Мифы и Реальность. – Екатеринбург, 2009.

8. *Аронсон Э.* Общественное животное. Введение в социальную психологию. – М., 1998.

9. *Сеннет Р.* Падение публичного человека. – М., 2002.

10. *Нойманн И.* Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. – М., 2004.

11. *Jodelet D.* Formes et figures de l'altérité / L'Autre: regards psychosociaux. Dir. M. Sanchez-Mazas & L. Licata. – Grenoble, 2005. – P. 23–47.

12. *Андреева Г. М.* Психология социального познания. – М., 2000.
13. *Стефаненко Т. Г.* Этнопсихология. – М., 2006.
14. *Шпилов А. В.* «Свои», «чужие» и другие. – М., 2008.
15. *Ушаков Д. В.* Введение: проблема чуждого и чужого в трудах немецких социальных психологов // Психология. – 2004. – Т. 1. – № 1. – С. 20–23.
16. *Шефер Б., Скарабис М., Шлёдер Б.* Социально-психологическая модель восприятия чужого: идентичность, знание, амбивалентность // Психология. – 2004. – Т. 1. – № 1. – С. 24–51.
17. *Климова С. Г.* Критерии определения групп «Мы» и «Они» // Социологические исследования. – 2002. – № 6.
18. *Ширков Ю. Э.* Стратегии самокатегоризации в системе представлений о «своих» и «чужих» // Дисс. канд. психол. наук. – М., 2009.
19. *Абрамов В. В.* Об одном из подходов к исследованию межгрупповых отношений и эффектов // Мир психологии. – 2008. – № 3 (55). – С. 254–258. – С. 257.
20. Процессы идентификации российских граждан в социальном пространстве «своих» и «несвоих» групп и сообществ (1999–2002 гг.): Мастер-класс профессора В. А. Ядова. – М., 2004.
21. *Шмелев А. Г.* Психодиагностика личностных черт. – СПб., 2002. – С. 381–457.
22. *Стефаненко Т. Г.* Этнопсихология. – М., 2006.
23. *Шефер Б., Скарабис М., Шлёдер Б.* Социально-психологическая модель восприятия чужого: идентичность, знание, амбивалентность // Психология. – 2004. – Т. 1. – № 1. – С. 24–51. – С. 28.
24. *Шпилов А. В.* «Свои», «чужие» и другие. – М., 2008. – С. 10.
25. *Наследов А. Д.* SPSS: Компьютерный анализ данных в психологии и социальных науках. – 2-е издание. – СПб., 2007. – С. 325.
26. *Бююль А., Цефель П.* SPSS: искусство обработки информации. Анализ статистических данных и восстановление скрытых закономерностей. – СПб., 2002.
27. *Андреева Г. М.* Психология социального познания. – М., 2000. – С. 123.
28. *Там же.*
29. *Hogg M. A., Abrams D.* Social Identifications: A Social Psychology of Intergroup Relations and Group Processes. – London, 1988. – P. 17.

